

И.М. Дзялошинский

Выступление на ежегодной конференции «Законотворчество в области СМИ»

К сказанному коллегами я хотел добавить, что все, о чем мы с вами говорим, было всем нам очевидно уже лет пять назад. О каких таких тенденциях мы говорим... В девяносто пятом—девяносто шестом году все это было абсолютно очевидно. Я могу сказать, что и в 96-м я писал об этом, я могу это показать, и в 97-м, и в 99-м, и в 2000-м тоже. Речь идет не о том, что это случайная aberrация в развитии России, что так случайно получилось, что не туда поехали. Едем мы абсолютно туда. Напоминаю любимую байку Бовина, которую он мне рассказал, когда я еще был студентом третьего курса, — про то, что когда застрелили Гамалю Абдель Насера и пришел к власти Анвар Садат, то Садат сел в машину Насера и сказал: поехали! А водитель, не поворачивая головы, спрашивает: скажите, пожалуйста, а куда мы едем — налево или направо? Две дороги-то... Садат спрашивает: а куда в этой ситуации ездил прошлый президент? — Всегда налево. — Тогда ты включи левый поворот и поезжай направо. Вот наш президент не только включил правый поворот и резко заворачивает налево, он с самого начала сказал, что будет ехать налево. А все остальные слова, на которые мы ссылаемся, которые он произносит, это чисто инквизиторские способы ввести в заблуждение общественное сознание. Тут разговаривать-то не о чем.

Другое дело, что надо попытаться понять: это уже необратимый процесс, как только что сказал Владимир Энтин — камень пошел вниз и окончательно, — или все-таки можно под него, под этот камень, что называется, трупы подложить, чтобы он остановился на время, а может быть, потом кто-то будет его катить опять назад. У меня ощущение, что окончательно. Но это мой пессимизм, он известен здесь многим, и хотя обычно можно умножить и разделить, но я полагаю, что уже все — мы окончательно растратили тот кредит возможностей развития по евро-американскому сценарию, которым обладали: начался этот процесс в 93-94-м годах, а к 96-му году просто потеряли этот шанс окончательно. Наше с вами население, которое поначалу надеялось, что мы станем жить легче, к 97-му году просто разочаровалось во всем, это показывают все исследования. На самом деле, я не думал, что пройдут наши правые партии, потому что накоплен такой дикий озлобленный ажиотаж у населения, что если бы даже они и прошли, то только благодаря административному ресурсу президента, который захотел бы их ввести туда, чтобы обеспечить некий правый фланг. Мне представляется, что когда мы с вами говорим о СМИ, надо очень отчетливо понимать, что Россия как целостная социальная система, качнувшись одно время в сторону вестернизационного, якобы, европейского варианта развития, быстро очнулась и с нарастающей скоростью идет к нормальному для нее способу функционирования — целостной, мощной,

тоталитарной организации, которая контролирует все процессы, где все управляется из небольшого и хорошо организованного, хорошо понимающего центра. Вот это другой разговор. Просто они думают, что они хорошо организованы, они думают, что у них умные, грамотные такие юристы сидят...

Это первый сюжет. Второй сюжет. Я только что вернулся из Кемерово. Виктор Николаевич Монахов там с людьми разговаривал, а я прессу смотрел и пытался понять, есть там вообще что-то. Неделю мы разговаривали с людьми разных уровней... Газеты там есть, телекомпании там есть. Их никто не видит, никто не слушает, никто не смотрит, никто не читает, никто не цитирует, на них никто не ссылается. Их просто не существует. Это некая виртуальная среда. Там есть объявления, есть какие-то комментарии, статьи... Это мне все собеседники подтвердили, — а я думаю, что за это время я с тремя сотнями людей пообщался точно, потому что одних участников конференции было 600 или 700 человек. Никакой разницы, есть пресса, нет прессы... Я потом вел секцию. Там было человек сто библиотекарей, вернее, директоров крупных областных библиотек. Про прессу, про печать все говорили в один голос: да какая там пресса!

У меня ощущение, что то, о чем мы с вами разговариваем, если еще и существует, то где-то в нашем воображении, на уровне четырех федеральных каналов и немножко на уровне тех СМИ, которые мы читаем. Нет в регионах прессы! Это все виртуальное пространство. Есть хороший закон о СМИ — это лучшее, что есть в мире и в Европе, — но он вообще никакого значения не имеет для тех процессов, которые реально происходят в масс-медиа. Там все происходит по-другому. Нам звонит главный редактор одной газеты из Свердловской области, мы 10 лет с ним сотрудничаем, и говорит: нам опять дали новую модель — пришел новый мэр, и он хочет, чтобы газета была другой. Я говорю: послушайте, мы же вам сделали три года назад хорошую модель, газета успешно существует... — Нет, мэр сказал, что все это неправильно, нужно по-другому. Вы понимаете? Мне представляется, что мы, конечно, можем сейчас пытаться смотреть, как такие-то статьи закона работают, такие-то нормы, что будет в новой Думе, — я думаю, что хороший закон не примут. Но у меня ощущение, что мы входим с вами в зону, где будут лежать хорошие законы, где Дума будет принимать умные решения, а жизнь будет идти по-своему.

Опять же, недавно я был в Калининграде. Там сделали хороший областной закон о доступе к информации. Но вот цифры: 42 запроса за год, из них 30 с лишним — запросы законов, которые и так были опубликованы в газетах; люди идут в Думу и говорят: дайте мне текст закона. И ещё 8 запросов о том, сколько получает губернатор. Это — такие реально были за год запросы в областную Думу по поводу доступа к информации. То есть вывод очевиден: не нужна никому информация.